

ВСТРЕЧИ
НА
ПОСЛЕДНЕЙ
СТРАНИЦЕ

МАРК ШАГАЛ — СВИДЕТЕЛЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Во время стажировки во французских искусствоведческих вузах в 1962—1963 годах мне довелось побывать у Марка Шагала в Париже. Я собирал материал о современной монументальной живописи. Мне было известно, что Шагал в последние десятилетия обратился к монументальной живописи, работает в технике витража, мозаики, гобелена. После звонков из советского посольства и Нади Леже, которую я знал раньше, Шагал согласился меня принять и назначил день и час. Он жил в центре Парижа на острове Сен-Луи, в одной из квартир трехэтажного дома, построенного еще до Великой французской революции. Поднявшись по чисто вымытой деревянной лестнице с покосившимися ступеньками на второй этаж, я попал к Шагалу. Он сам открыл мне дверь. Еще на лестничной площадке я обратил внимание на приставленный к стене экран из холста наподобие прикаминного, на котором масляными красками была изображена незатейливая композиция на голубом «шагаловском» фоне и в середине крупными буквами стояло — «Шагал».

Наверху — три комнаты без украшений и картин, старомодная изящная мебель. Шагал — старик, легкий в движениях, с вьющимися седыми волосами — встретил меня приветливо. Он чисто и с юмором говорил по-русски. Но за шутками чувствовался крепкий ум, хватка, незаурядная личность. Разговор шел сначала о монументальной живописи. Шагал рассказал, как он делал витражи для нового церковного здания, показывал цветные репродукции и слайды этих работ, которые были выставлены для показа в 1962 году в специально построенном павильоне на бульваре Сен-Жермен. Тогда же по заказу Министерства культуры Франции он расписывал плафон Парижской оперы: старый, в духе ложного классицизма, по предложению министра культуры, известного писателя Андре Мальро, решили заменить.

Говорил Шагал и о своем витраже в средневековом кафедральном соборе города Мец в Лотарингии: прежний был разрушен в годы второй мировой войны.

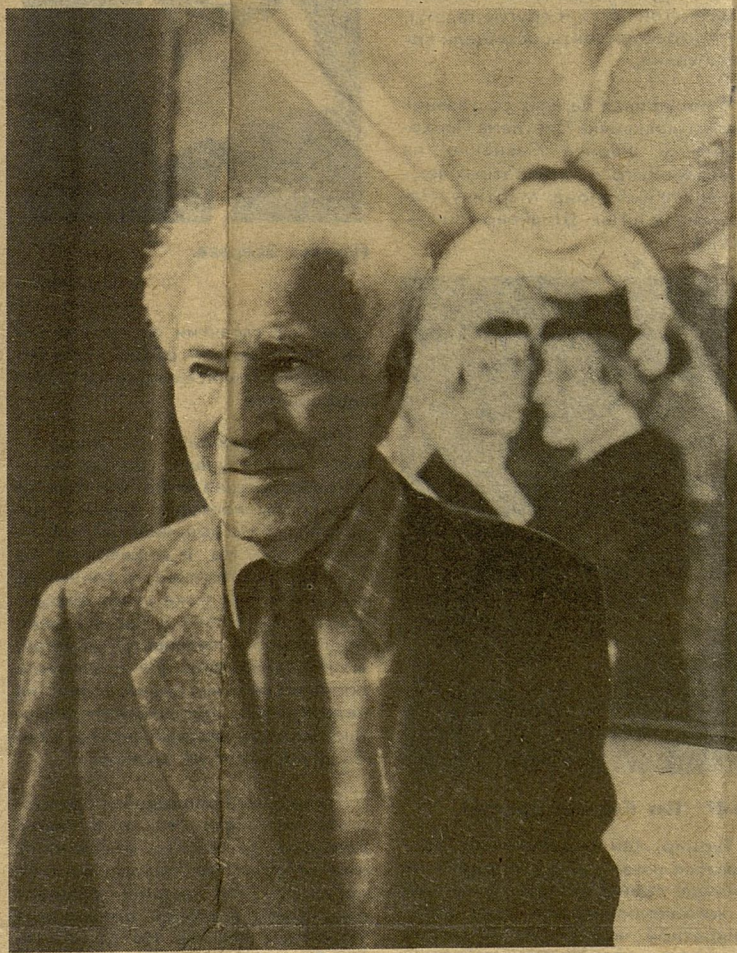
Многие во Франции считают, что шагаловские композиции очень подошли к старинной архитектуре собора. Тема его витражей в Меце — Библия.

«Это мое детство, — говорил Шагал. — Я был вскормлен отцом и Библией. В этих и других монументальных композициях я изображал животных, людей, вплетал растительные мотивы, использовал фольклорные образы. В живописи, графике я — сказочник. Источники моего творчества, помимо Библии, Шекспир, Достоевский, Гоголь, Сервантес. Я сделал много иллюстраций к произведениям Гоголя «Шинель», «Записки сумасшедшего» и другим».

Шагал говорил, что, когда он работает резцом с цветными стеклами в витражном ателье, всегда боится: «Разобью или нет? Испорчу или нет?» Очень осторожно, зажав дыхание, режет стекло, затем быстрым движением руки, чтобы контуры были легкие, живые, процарапывает лица, фигуры, одежду, цветы, орнаменты. При этом стекло скрипит. Затем подбавляет куски стекла и монтирует их. Ему помогает витражист Шарль Марк — продолжатель традиций известного в прошлом Жака Симона, носителя вековых принципов древнего французского витражного искусства. Потом Шагал и Шарль Марк отходят и смотрят, что получилось.

«Вы знаете, — говорил мне Шагал, — иногда, работая со стеклами, я режу пальцы. Но дело настолько интересное, что прямо-таки затягивает. Прошлой ночью я проснулся в три часа утра и все думал о стеклах моего витража. Я люблю работать в витраже. Я сам себе каюсь дирижером оркестра, только без публики».

Большой витраж Шагала «Мир» для здания ООН в Нью-Йорке тоже выполнялся в Реймсе в ателье Шарля Марка. Потом Шагал работал над витражом для готического собора в городе Бове, тоже сильно пострадавшем в последнюю войну, он сделал тематическую мозаику для новой художественной галереи Маргерит и Эме Маг в городке Сен-Поль-де-Ванс (1968 г.) недалеко от Ниццы — эту галерею считают пантеоном современного искусства. Художник создал и мозаику Центра

искусств имени Линкольна в Нью-Йорке (1975 г.), и мозаику для музея св. Иеронима, созданного в Ницце.

Шагал много работал в гобелене. Во французском Национальном музее гобелена, открытом в 1976 году в готическом соборе Бове, представлены его тематические гобелены. Художник считал, что фреска как техника монументальной живописи себя не оправдала, она разрушается от времени.

«Посмотрите на итальянские фрески эпохи Возрождения или на средневековые французские фрески. Они почти все потрескались, многие потухли, покрылись соляным цветением», — говорил он. Поэтому Шагал и предпочитал витраж, мозаику. «На старости лет потянуло выразить себя в монументальной живописи, это стало общим явлением среди французских художников, прошедших сложный путь и немало поработавших в разных жанрах», — рассказывал Шагал, — вспомните витражи и мозаики Фернана Леже, которого я очень уважал, фрески Пабло Пикассо и других».

Шагал говорил мне: «Учить в художественной школе нужно реалистическим методом, молодых художников прежде всего следует крепко поставить на ноги».

Он вспоминал, как в Витебске в годы гражданской войны с мандатом А. В. Луначарского был уполномоченным Наркомпроса, организовывал художественное училище и преподавал в нем. Художник спросил меня: «А кто твой отец?» Я ответил: «Старый боль-

шевик, участник гражданской войны». «Вот и я участник гражданской войны, борьбы за власть Советов в России», — сказал тогда Шагал. — В Витебске мой отец до революции работал грузчиком на железнодорожной станции, таскал на спине полные мешки и умер, надорвавшись».

Вспоминал он Луначарского, с которым работал в Наркомпросе в Петрограде и Москве, Маяковского, с которым был хорошо знаком и позже встречался каждый раз, когда поэт приезжал в Париж.

Шагал рассказывал, как еще до революции впервые показывал свои работы в России на выставках вместе с А. В. Куприным, П. В. Кузнецовым, П. П. Кончаловским. Когда Шагал узнал, что член-корреспондент Академии художеств СССР А. В. Куприн — мой учитель, то вспомнил, что Куприн стал выставляться раньше его, поэтому тогда он ему завидовал. Вспоминал Р. Фальку, которого хорошо знал по Москве, Витебску и Парижу. Высоко ставил Игоря Грабаря как крупного художника-колориста. Особенно Шагалу нравились «Февральская лазурь» и «Вера» Р. Фальки. Расспрашивал, кто жив и кто умер из знакомых ему художников. Говорил, что очень любит произведения И. Шишкина и И. Левитана, лирика и замечательного мастера пейзажа. Первого он ценит за глубокие знания и умение правдиво изображать русский лес, не разделяя точку зрения некоторых, считающих Шишкина «протокольно» точным художником-ремесленником.

Шагал вновь повторил: «Счи-

таю, что в художественном учебном заведении нужно учить реалистическому искусству, другое дело, как будет развиваться художник после завершения учебы». Когда я сказал, что то же самое говорил нам Павел Кузнецов в московской Строгановке в 1945—1949 годах, Шагал ответил, что так и должно быть, потому что «во всех художественных школах мира реалистические принципы обучения одни и те же. А Павла Варфоломеевича я знал, он очень хороший живописец и вам повезло с таким учителем».

Шагал очень интересовался современной живописью в Советском Союзе и вообще всем, что происходило в нашей стране, но лишь изредка ему удавалось познакомиться с живописью советских художников на выставках в Париже. «Часто, когда увижу в кино или на фотографии русские пейзажи, русские березки, начинаешь щемить сердце, приходит тоска по родине. Если ты будешь в Витебске, то сфотографируй дом на 2-й Покровской улице, где я жил, и пришли мне снимок. Хочу съездить, посетить родные места, мечтаю походить по улице, где стоял наш домик, да никак не стонусь с места — стар стал».

Но все-таки он в 1973 году приехал в Москву и с большим волнением смотрел выставку своих работ в Третьяковской галерее, среди которых была серия литографий, посвященная В. Маяковскому. В числе других 100 листов она была передана в дар Музею изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В Витебск Шагал не поехал, говорил позже, что город, разрушенный во время войны, построен заново и он боится повредить старые воспоминания, питавшие его творчество.

Я его спросил:

— А почему вы уехали из России в 1922 году?...

— Учиться живописи. А после возвратиться было трудно, — так он ответил.

Французская пресса превозносит Марка Шагала как великого французского художника, о нем изданы монографии, на выставках его работы занимают почетные места. Например, я видел, что на выставке «Художники — свидетели своего времени» в музее Гальеры его акварель «Революция в России» висела в парадном зале одна на большой стене. Но сам он говорил мне по этому поводу: «Ничего мне от них не нужно. Я устал от всего этого. Считаю себя русским художником, потому что родился в России, художественное образование получил в Петербурге в частной школе Званцевой и в других русских учебных заведениях, учился у М. Добужинского, Н. Рериха, которых очень ценю; молодость моя совпала с революционными событиями, в которых я принимал непосредственное участие на стороне народа». Еще он говорил: «Русские художники, как А. Бенуа, К. Коровин, М. Ларионов, Н. Гончаров, М. Добужинский, З. Серебрякова, Л. Бакст, И. Пунин, Николай де Сталь и другие, волею судьбы оказавшиеся во Франции, много поработали и теперь стоят здесь на втором месте после французских, а французы — прекрасные художники, завоевавшие всемирную славу. Но как трудно было русским на чужбине достигнуть успеха. Из каждой ста художников в Париже пробиваются лишь один-два. И все-таки Париж с его атмосферой искусства был для нас Меккой, здесь всегда работало легче, чем в других городах Западной Европы, здесь настоящую живопись, добытую «кровью», умели ценить. Однако многие русские, например Николай де Сталь — талантливый колорист, покончивший самоубийством, не выдержали этой суровой борьбы».

Профессор Виталий
ЛОГИНОВ

«Дождь». 1911 год.